

Томаш ОСИНСКИ
(Люблин, Польша)

**Участие местных органов
общей администрации
Народной Польши в акции
регистрации военного ущерба
в 1944–1946 гг. (на примере
Люблинского воеводства)***

Работа по урегулированию вопросов в области военных репараций началась на Ялтинской конференции, еще перед окончанием военных действий. Отдавая себе отчет в невозможности компенсации всего военного ущерба, было сформулировано требование, чтобы при определении размера компенсаций учитывался с одной стороны вклад в победу над врагом, с другой – уровень материальных потерь данной страны [12, с.24–26; 13, с.15]. После окончания войны на конференции в Потсдаме было принято решение, что польские притязания удовлетворит СССР из своей части репарации. 16 августа 1945 г. Польша и СССР заключили договор, регулирующий правила «возмещения военного ущерба» [13, с.39–44; 12, с.37–48; 14, с.33–40].

Во время войны данные, касающиеся военных потерь, польские власти собирали в Лондоне. В 1944 г. Министерство Конгрессовых Дел подготовило специальный документ на послевоенную конференцию, представляющий польское отношение к военным компенсациям [14, с.21–25; 11, с.15–19; 12, с.1–24]. Развитие событий привело к тому, что польские власти, поддерживаемые СССР, добивались прав и претензий на основании военного ущерба. Декларация определения военного ущерба и начала усилий по его возмещению появилась уже в манифесте Польского Комитета Национального Освобождения. В сентябре 1944 г. начало функционировать Агентство Военных Компенсаций, которому были поручены все задачи, связанные с этим вопросом [14, с.26; 11, с.19]. На стыке 1944–1945 гг. в связи с реорганизацией центральной власти созданием при Президиуме Совета Министров Бюро военных компенсаций (*далее* БВК). Это Бюро было координатором масштабной

* Статья публикуется в авторской редакции.

акции по оценке и регистрации военного ущерба [14, с.26–27; 15, с.13; 11, с.19–20]. 1 апреля 1947 г. компетенции БВК переданы Центральному бюро планирования, Министерству публичной администрации и Министерству возвращенных земель [14, с.30; 11, с.23].

Новая власть серьезно отнеслась к проблеме ведения учета военного ущерба, указывая на необходимость организации этого процесс как условия получения репараций, а в дальнейшем и восстановления страны [11, с.21]. В отчете по итогу двух лет документальной работы записано, что: «Подробное установление военного ущерба, который понесло польское хозяйство, это не только подсчет того, что должны заплатить немцы – в соответствии с международным договором – но и важный элемент восстановления страны» [15, с.13]. Позже возник вопрос использования этих материалов в качестве доказательства гитлеровских преступлений в Польше [12, с.30]. Пропагандой подчеркивались как индивидуальные, так и общенациональные преимущества. Уведомление об ущербе представлялось как гражданский долг, выполнение которого было связано с одной стороны с получением помощи для конкретных людей, а с другой с возможностью «завоевания для Польши первого места в очереди на получение военных компенсаций» [12, с.29].

В акции регистрации принимали участие органы центрального управления, министерства, местное самоуправление (городов и гмин) и общая администрация на уровне воеводства и повета. Целью статьи является рассмотрение процесса регистрации военного ущерба органами общей администрации на территории Люблинского воеводства в 1944–1947 гг., а также анализ сохранившихся документов этого процесса в контексте их пригодности для локальноисторических исследований.

Регистрацию проводили гминные и городские власти, при которых были созданы регистрационные управления, принимавшие анкетные листы с внесением и регистрацией заявлений в журнал. Далее анкетные листы посылали в староство, в котором на их основе служащие отдела военного ущерба обрабатывали, перепроверяли и дополняли картотеки. Затем материалы пересылали в воеводские учреждения, а после укомплектования данных с территории всего воеводства пересылали в Главное Статистическое Бюро. После составления статистической сводки материалы возвращались через воеводские учреждения в староства и там передавались на хранение в архивы [1, с.37; 12, с.29]. БВК подвергало контролю достоверность накопленного материала дополнительными регистрациями. В случаях, когда подробный учёт был невозможен (ущерб евреям и на территориях больших разрушений),

были образованы специализированные группы экспертов [12, с.100]. После окончания регистрации индивидуального ущерба учреждения воеводств инвентаризовали ущерб, нанесенный государственному имуществу, религиозным организациям и общественным объединениям [1, с.111]. С просьбой составления списка об ущербе в ВЛЮ обращалось также Командование военного округа №VII [1, с.6].

Учётный процесс начался в сентябре 1944 г. В мае 1945 г. БВК ввело новые, единые для всей страны регистрационные бланки для деревень и для городов, одновременно констатируя, что начатые ранее действия были предназначены для ориентации, а теперь необходимо дополнение данных [1, с.11]. Также была издана специальная подробная инструкция, которая содержала формулировки понятий «пострадавшего» и «виновника». Очевидно регистрация только ущерба, нанесенного в следствии действий «немцев и других народов, которые им помогали». Выделено два главных типа ущерба: ущерб нематериальный (личный) и материальный (вещественный). В качестве регистрационных учреждений выступали городские и гминные управления. Особенно важно было точное определение обстоятельств и причин возникновения ущерба. Большинство пострадавших не обладало никаким доказательным материалом, потому прибегали к привлечению свидетелей, материально не связанных с заявляющим ущерб. Регистрацию мог провести член семьи от имени пострадавшего, даже соседа [1, с.12–20]. В учётную книгу вносились не только случаи смерти, но также потери здоровья и свободы. Много места в анкетном листе заняли материальные потери. Регистрация охватывала также: недвижимость, машины, инструменты, продукты земледелия, корм, продовольственные продукты, живой инвентарь, древостан, мелиорационные устройства, одежду, кухонную утварь, мебель, а также оплату труда [1, с.12–20].

Сбор сведений оказался процессом достаточно трудоемким. Сложная ситуация после освобождения страны негативно повлияла на эффективность работы регистрационных учреждений. Препятствий было очень много. Не хватало бумаги [8, с.40], подверглась уничтожению гминная документация [2, с.62], не было соответствующего персонала [6, с.11; 11, с.21] и средств передвижения [6, с.11], а с 1946 г. появились случаи приобщения служащих агентства военных ущербов к ведению других дел [1, с.131]. Большой проблемой было также перемещение населения. В январе 1946 г. указывалось об игнорировании акции переезжающими на так называемые обратнoполученные земли, украинцев, ожидавших переселения, а также небольшого числа евреев [4, с.97]. В

Люблине работы не закончились в срок потому, что являлись новые люди, возвращавшиеся в город с освобожденных территорий. В городе изъявляли желание зарегистрировать ущерб также местные жители из гмин, в которых не было комиссии, составляющей описи [8, с. 45]. Широко задуманная пропагандистская акция не принесла ожидаемого эффекта [11, с.21].

«Нельзя было тщательно определить ущерб еврейского населения, – писал красницкий староста, – по причине отсутствия пострадавших и отсутствия свидетелей, которые могли бы определить величину ущерба (...) пропущены Надвислянские гмины потому, что их население было выселено с прифронтовой территории» [2, с. 60].

Спустя несколько месяцев возникли проблемы с проведением акции в Красницком повете:

«Отношение населения к акции регистрации военного ущерба на территории повата оказалось неоднозначным. Во время, когда одни массово заявляют о нанесенном им ущербе, другие относятся к делу равнодушно. Вероятно, причина кроется в том, что у населения разные политические убеждения и неверие в результаты акции; неоднократно пострадавший хочет сэкономить организационные расходы, которые должен платить в сомнительном – по его мнению – деле» [3, с.66].

Похожей была ситуация на территории Пулавского повата:

«Население несмотря на объявления и призывы не дало ожидаемого результата, около 30% населения относится равнодушно и негативно, кроме тех, кому нанесен особенно серьезный ущерб. Еврейское население не заявило об ущербе. Вернулось меньше чем 1%» [8, с.72].

Достоверность материалов, полученных в результате регистрации, ставилась под сомнение и многократно перепроверялась, хотя в общей сложности была проведена значительная работа более чем десятью тысячами гминных регистраторов [12, с.252]. Система регистрации имела методологические недочеты, поскольку возникла необходимость дополнить анкеты оценочными данными. В Инструкции значились, например, следующие указания:

«Начальную концепцию при регистрации ущерба дополнить, уточнив определение количества и качества уничтоженных, поврежденных и вывезенных объектов. Подсчет ущерба в денежном эквиваленте имеет вспомогательную функцию и в принципе предоставляется пострадавшему. Лишь в отношении к нематериальному ущербу в претензии деньги будут иметь важное значение» [1, с.12–20].

В научных работах высказывается мнение, что точное определение военного ущерба было невозможно [11, с.29]. А. Божек в работе 1973 г. подчеркивает, что, «учитывая время с окончания войны, первоисточники, возникшие непосредственно после окончания войны, являются единственным источником, которым мы располагаем, а систематически проводимые по всей стране исследования, в результате которых получаем частичные данные в области ущерба, могут иметь с точки зрения подхода к совокупности ущерба вспомогательное значение» [10, с.359]. Но когда в 1960 г. Комиссия по Обработке проблемы Немецких Возмещений начала проводить анализ и проверку подлинности регистрационных документов, оказалось, что часть документов сдана в макулатуру и они уничтожены. В связи с этим внесено предложение об организации последующей инвентаризации, но окончательно комиссия сосредоточила внимание на сборе и упорядочении существующих материалов [11, с.26].

Документация акции по регистрации военного ущерба для исследователей местной истории является очень интересным источником. Однако, следует помнить об оговорках, касающихся достоверности и методологических недостатков. На основании этих материалов из большого числа жертв Второй мировой войны мы можем увидеть судьбы конкретных людей и их личные трагедии. В актах ЛВУ сохранилось много документов, касающихся обсуждаемой акции, начиная с нормативов, отчетности, статистических данных, до регистрационных анкетных листов. Во многих отчетах представлены ошибки и успехи акции. Среди документов можно найти общие итоги для повятов и подробные списки фамилий пострадавших в гминах.

Самым ценным в документальном плане предстает исходный материал, то есть анкеты, которые касаются конкретного человека и содержат точное в меру возможностей описание ущерба. Дискуссионной является ценность полученных, на основании регистрационных анкет и оценок, генеральных данных, касающихся ущерба, хотя нельзя на-

рушить содержания анкет без верификации, которая несомненно очень трудна. В анкетах заявлено о разных ситуациях, начиная с утраты ближайших родственников и заканчивая потерей одежды или обуви [5]. В некоторых анкетах содержится много ценной информации о военных действиях. Например, в Томашове заявлено о разрушении здания, которое немцы подожгли в сентябре 1939 г., «чтобы образовать дымовую завесу во время боя» [5, с.12]. В актах находится также список потерь электростанций в Хелме, который содержит более 100 позиций, свидетельствующих об уроне, нанесенном польской экономике [9].

Как упомянуто выше, часть материалов безвозвратно уничтожена. В случае Люблинского воеводства самые богатые материалы, касающиеся регистрационной акции, сохранились в собраниях: староства повета Лубартув, староства повета Томашув Любелски и староства повета Замосц. Для этих повятов доступны регистрационные анкеты. Часть анкет из разных поветов находится кроме того в актах собрания управления Люблинского воеводства.

Интересным материалом для исследования внутренней структуры заявленного ущерба являются «описи, касающиеся военного ущерба», то есть сборная обработка анкет, суммирующая ход акции на территории Люблинского воеводства. Они периодически составлялись отдельно для городов и деревень.

Из итогового документа акции следует, что всего зарегистрировано 81476 анкетных листов, 11446 в городах и 70029 в деревне, описывающих 426449 ущерб стоимостью 1.969.342.526 злотых по курсу 1939 г. [7, с.267]. Представленная ниже статистика свидетельствует о том, что в учитывался преимущественно материальный ущерб. Потери деревень разделены на четыре типа: А. Нематериальный ущерб: 1. физический ущерб – 5958 случаев; 2. умственная отсталость – 437; 3. смерть кормителя – 16 535; 4. моральные потери – 8610; Б. Ущерб хозяйству: 1. здания – 30 210; 2. инвентарь – 35572; 3. живой инвентарь – 63322; 4. продукты земледелия и корма – 57004; 5. разное производство – 34317; 6. разные древостаны, мелиорация – 25181; В. Предприятия в деревне: 1. ремесленные – 4044; 2. магазины – 549; 3. деревенская промышленность – 940; 4. кредитные учреждения – 130; 5. свободные профессии и другие – 622; 6. домашнее хозяйство – 42963; Г. Другие потери вызваны: 1. переселениями – 9492; 2. уничтожениями, конфискацией, грабежом ценных вещей и бумаг – 6107; 3. отсутствием выплаты соответствующих сумм – 884; 4. недостаточным вознаграждением за работу – 14011; 5. принудительным использованием других прав – 920; 6. незаконным

лишением свободы – 4557; 7. контрибуциями и денежными штрафами – 7708; 8. разные – 2448 [7, с. 271]. В случае городов выделено также четыре типа: А. Нематериальный ущерб: 1. физические увечья – 1005 случаев; 2. умственная отсталость – 54; 3. смерть кормильца – 6971; 4. моральные потери – 1456; Б: потери движимого имущества: 1. одежда – 7343; 2. квартиры – 7393; 3. домашнее хозяйство – 6862; 4. живой инвентарь – 3723; 5. транспортные средства – 3383; 6. разное – 1612; В. Потери недвижимости и предприятий: 1. дома – 4229; 2. промышленные предприятия – 286; 3. ремесленные предприятия – 817; 4. торговые предприятия – 902; 5. ущерб представителям свободных профессий – 335; Г. Другие потери вызваны: 1. переселениями – 1287; 2. уничтожениями, конфискацией, грабежом ценных вещей и бумаг – 2426; 3. отсутствием выплаты соответствующих сумм – 1142; 4. потерей обеспечения ипотечной задолженности вследствие разрушения недвижимости – 144; 5. принудительным использованием других прав – 874; 6. незаконным лишением свободы – 707; 7. контрибуциями и денежными штрафами – 271; 8. разное – 622 [7, с. 272].

В заключение стоит подчеркнуть, что обсуждаемый источник, помимо многих ограничений, имеет два бесспорных достоинства. Они возникли в краткие сроки после окончания войны, а регистрационной акции не повторяли, в связи с чем это единственная такая группа источников. Очевидно, на то, что картина ущерба является неполной и неточной повлияло игнорирование акции частью общества, однако при соблюдении правил критики источников сохранившиеся документы могут быть полезными в исследовании гитлеровской оккупации в Польше, особенно в отношении местной истории.

Источники и литература

1. Государственный Архив в Люблине (ГАЛ), Люблинское Воеводское Управление (ЛВУ) Отдел Административный (ОА) 115.
2. ГАЛ, ЛВУ ОА 116.
3. ГАЛ, ЛВУ ОА 117.
4. ГАЛ, ЛВУ ОА 118.
5. ГАЛ, ЛВУ ОА 121.
6. ГАЛ, ЛВУ ОА 135.
7. ГАЛ, ЛВУ ОА 139.
8. ГАЛ, ЛВУ ОА 143.
9. ГАЛ, ЛВУ Отдел Восстановления 133.

10. *Bożek A.* Stan badań w dziedzinie strat materialnych i biologicznych narodu Polskiego w latach II wojny światowej a problem fałszerstw w NRF. // Stan i perspektywy badań w zakresie zbrodni hitlerowskich. Materiały z Konferencji Naukowej w dniach 27–28 kwietnia 1970 r., t. II, Warszawa 1973.

11. *Eberhardt A., Gniazdowski M., Jaskułowski J., Krzysztofowicz M.*, Szkody wyrządzone Polsce podczas II wojny światowej przez agresora niemieckiego. Historia dociekań i szacunków. // Problem reparacji, odszkodowań i świadczeń w stosunkach polsko–niemieckich 1944–2004, tom I: Studia, red. naukowa W. M. Góralski, S. Dębski, Warszawa 2004,

12. Problem reparacji, odszkodowań i świadczeń w stosunkach polsko–niemieckich 1944–2004, tom II: Dokumenty, red. naukowa W. M. Góralski, S. Dębski. – Warszawa, 2004.

13. Problem reparacji wojennych po drugiej wojnie światowej (Wybór dokumentów), opracowanie B. Franczyk. – Warszawa, 1972.

14. *Ruchniewicz K.*, Polskie zabiegi o odszkodowania niemieckie w latach 1944/45 – 1975, – Wrocław, 2007.

15. Sprawozdanie w przedmiocie strat i szkód wojennych Polski w latach 1939–1945, redakcja: M. Muszyński, P. Sypniewski, K. Rak. – Warszawa, 2007.

Tomasz Osiński (Lublin, Polska) Proces rejestracji strat wojennych przez organa administracji ogólnej w Polsce w pierwszych latach po wojnie (na przykładzie województwa lubelskiego)

Rejestracja i dokumentacja strat i zbrodni wojennych w Polsce była jednym z ważniejszych problemów pierwszych lat po zakończeniu II wojny światowej. Powołano szereg instytucji, które prowadziły działalność tylko w tym kierunku. Pewne obowiązki w tym zakresie powierzono także administracji ogólnej poczynając od szczebla gminnego. W tekście poddano analizie zarówno sam mechanizm zbierania danych jak również pozostałość aktową i jej przydatność do badań nad historią lokalną.

Słowa kluczowe: Polska, Lublin, zbieranie danych, II wojny światowej

Томаш Осински (Люблин, Польша) Участие местных органов общей администрации Народной Польши в акции регистрации военного ущерба в 1944 – 1946 гг. (на примере Люблинского воеводства)

Одними из наиболее важных проблем первых лет после окончания Второй мировой войны в Польше были регистрация и документация потерь и военных преступлений. Для осуществления этой деятельности были привлечены ряд специальных учреждений. Проанализированы механизмы сбора данных, актовые материалы и их пригодность к изучению локальной истории.

Ключевые слова: Польша, Люблинское воеводство, сбор данных, Вторая мировая война

Tomasz Osinsky (Lublin, Poland) The process registering military losses with the help of general administrative bodi in Poland during the first afterwar years (on the example of Lublin province)

One of the most important problems during the first years after the ending of World War II in Poland was the registration and documentation of losses and military crimes. A number of institutions which worked in this in this field had been called. Trustful debts in this field have been intrusted to the bodies of general administration starting with gminna level. A have analized the mechanism of collecting information, stamed residues and its suitability for the local history.

Key words: Poland, Lublin province, data collection, World War II

Томаш Осінський (Люблін, Польща) Участь місцевих органів загальної адміністрації Народної Польщі в акції реєстрації військових втрат у 1944 – 1946 рр. (на прикладі Люблінського воєводства)

Однією з найбільш важливих проблем протягом перших років після закінчення Другої світової війни в Польщі був облік і документування втрат і військових злочинів. В цій галузі працювали спеціальні організації. Підрахунок втрат у цій галузі було доручено органам управління, починаючи з гмінного рівні. Проаналізовано механізм збору інформації про воєнні втрати та її ресурс для дослідження місцевої історії.

Ключові слова: Польща, Люблінське воєводство, збір даних, Другої світової війни